

*В память о Малышке —
она, как никто, умела радоваться жизни*

Когда калібаны впервые прислали нам свои гигантские пляжные мячики и через них предложили использовать люки перескока, с помощью которых люди смогли совершать межзвездные путешествия, многие в Конфедерации сознающих начали тайно эксплуатировать этот дар по-своему. Теневое правительство и некоторые не самые лучшие представители говачинского народа сумели разглядеть то, что сегодня очевидно для всех: энергия мгновенных перемещений в беспредельном пространстве вселенной позволяет изолировать и подчинять множество планет и народов.

Это наблюдение было сделано в самом начале досадийского эксперимента, задолго до того, как чрезвычайный агент саботажа Джордж К. Макки обнаружил, что видимые звезды нашей вселенной являются либо калібанами, либо проявлениями калібанов в пространстве Конфедерации сознающих (см. «Жертвенную Звезду», в которой в художественной форме описано это открытие Макки).

Здесь уместно добавить, что Макки, работая на Бюро Саботажа, идентифицировал калібана по имени Фэнни Мэй как видимую звезду Фиону из созвездия Плеяд. Открытие феномена Фионы —

Фэнни Мэй — подогрело интерес к вопросу о калеканах, что и послужило толчком к началу досадийского эксперимента, который, по мнению многих, стал наиболее отвратительным примером манипуляции одних сознающих другими за всю историю Конфедерации. Определенно, это был самый масштабный психологический эксперимент из всех, каким были подвергнуты мыслящие существа, причем принцип информированного согласия на участие в эксперименте соблюдался далеко не всегда.

(Первый публичный отчет о «Суде над судьями»)

Справедливость и правосудие принадлежат тем, кто объявляет себя справедливыми, но пусть справедливые помнят, что возмездие порой приводит к новой несправедливости, запуская кровавый, неумолимый маховик мщения.

(Говачинский афоризм)

— Почему ты так холоден и механистичен в своих человеческих отношениях?

Джордж К. Макки решил обдумать этот вопрос калекана позднее. Не пыталась ли Фэнни Мэй таким способом подготовить его к расследованию досадийского эксперимента и к тем испытаниям, какие оно могло на него навлечь? В то время Макки и слыхом не слыхивал ни о какой Досаде, а принуждение к коммуникационному трансу и обвинительный тон Фэнни Мэй помешали его размышлениям.

Размышления между тем были достаточно мучительными. Макки не нравилось, что он рискует стать объектом изучения калеканом человека. Он всегда

считал именно этого калекана своим другом — если, конечно, допустить, что другом может быть сущность, видимым воплощением которой в сознающей вселенной является желтая звезда четвертой величины. Ее можно наблюдать по ночам из окна Главного Центра — штаб-квартиры Бюро Саботажа. Есть и еще одно неизбежное неудобство в общении с калеканом — погружение в судорожный транс, когда слова собеседника начинают звучать в голове, минуя уши.

Он чувствовал себя неуверенно: не пыталась ли Фэнни Мэй поведать ему что-то, что лежало за пределами смысла сказанных слов?

Когда регуляторы погоды сокращали продолжительность вечерних дождей, Макки любил выходить в парк, который БюСаб арендовал специально для своих сотрудников в Главном Центре. Как чрезвычайный агент, Макки имел неограниченный доступ в парк, где он любил освежить мысли прохладным ветерком после дождя.

Парк занимал около тридцати гектаров. Он раскинулся среди многочисленных зданий Бюро своими густыми зарослями, прорезанными многочисленными широкими тропами, которые вились между растениями, свезенными сюда со всей обитаемой видимой вселенной. Никаких секторов для прогулок представителей тех или иных видов сознающих существ здесь не было. Секторы были предусмотрены лишь для растений, которым требовались одинаковые условия и уход. Гигантские копьевидные сасакские сосны занимали холм, обрамленный насыпями, обсаженными деревьями Флейм-Бриара с Рудиири. Были здесь просторные лужайки, и потайные полянки, и обширные зеленые участки, которые были вовсе не лугами, а скоплениями хищных летучих листьев, слегка приотпленных под тонким слоем едкого раствора.

Цветы с радужно переливавшимися каплями дождя в чашечках неизменно привлекали внимание Макки, занимая его настолько, что он переставал замечать все остальное. Здесь находилось единственное растение лилии Гросса, в два раза превышающей рост Макки и отбрасывающей длинную тень на плетеный синий ковер сирины с ее миниатюрными цветками, которые то смыкали, то размыкали лепестки, словно ловя ртами воздух.

Иногда непередаваемые ароматы цветов останавливали Макки, и он начинал искать взглядом источник чудесного запаха. Часто растение оказывалось опасным — плотоядным или ядовитым. У каждого такого растения стояла табличка с предупреждающей надписью на галакте. Во многих местах вдоль тропинок, обрамляя их, росли ягодные кусты, а в иных местах ограждениями служили канавки или силовые поля.

В этом парке у Макки было любимое место — скамья, со спинкой, обращенной к источнику, где агент мог сидеть, созерцая тени пышных желтоватых кустов, привезенных с плавающих островов Тандалура. Желтые кусты разрослись так сильно, потому что их корни питались обильными грунтовыми водами, питавшими источник. Под кустами флуоресцировало серебристое защитное силовое поле и красовалась надпись:

«Сангит подвижный — вечнозеленое кровососущее растение с Бизайи. Растение чрезвычайно опасно для всех сознающих существ. Не пытайтесь проникнуть за силовое поле».

Сидя на скамейке, Макки задумался о надписи. Вселенная часто смешивала красоту и опасность,

и это смешение было представлено в парке. Желтые кусты, нежные и безвредные золотые ирисы перемежались сангитом подвижным. Эти два вида помогали друг другу выжить. Правительство Конфедерации, которому служил Макки, тоже любило подобные смешения... порой совершенно случайные.

Иногда, правда, и вполне целенаправленные.

Макки прислушивался к плеску воды в источнике, пока сгущались тени и зажигались фонарики вдоль тропинок. Верхние этажи зданий превратились в световое панно, отражающее прощальные закатные лучи солнца.

В этот-то момент его и настиг контакт с калебаном, и Макки ощутил, как все его тело погружается в беспощадный коммуникативный транс. Ментальные щупальца были узнаваемы — они принадлежали Фэнни Мэй. Макки невольно — в который раз — подумал: какое это несусветное, неподходящее имя для звездной сущности. Слух его не воспринимал ничего, но слова явственно звучали в голове, а внутреннее свечение невозможно было спутать ни с чем другим. Это Фэнни Мэй. Синтаксис ее речи стал более изощренным с тех пор, как они познакомились.

— Ты любишься одним из нас, — сказала она, обращая его внимание на солнце, только что скрывшееся за зданиями.

— Я стараюсь не думать о звездах как о калебанах, — ответил он. — Это мешает мне наслаждаться их природной красотой.

— Природной? Макки, ты не понимаешь собственного сознания, и даже не понимаешь, как ты им пользуешься!

Это было типичное для Фэнни Мэй вступление к разговору: обвиняющее, напористое, словно он общался не с прежним дружелюбным калебаном. Гла-

голы Фэнни Мэй теперь употребляла с большей ловкостью и умением, словно бравируя своими успехами в языкознании.

— Что ты хочешь, Фэнни Мэй?

— Сейчас я думаю о твоих отношениях с женскими особями твоего вида. Ты вступал в брачные отношения больше пятидесяти раз, не так ли?

— Это правда. Да, признаю. Но почему ты...

— Я твой друг, Макки. Какие чувства ты испытываешь ко мне?

Он и сам много об этом думал. В интонациях Фэнни Мэй он ощутил сильное напряжение. Собственно, он обязан жизнью этому калекану с невероятным и смешным именем. Но, между прочим, Фэнни Мэй тоже обязана ему жизнью. Вместе они сумели устранить угрозу, освободить жертвенную звезду от бичеваний. Теперь многие калеканы предоставляли свои люки перескока, с помощью которых все сознающие могли в один миг перемещаться с одной планеты на другую, но все нити межзвездных сообщений держала в своих руках именно Фэнни Мэй. Эти сообщения повисли на волоске из-за странного кодекса чести, обязывающего калеканов скрупулезно исполнять условия договоров. Случилось так, что Макки спас ей жизнь. Думая сейчас об их взаимной зависимости, он испытывал теплое чувство товарищества.

Фэнни Мэй почувствовала это.

— Да, Макки, это дружба, это любовь. Ты испытываешь это чувство в отношении своих человеческих спутниц?

Этот вопрос не на шутку разозлил Макки. Зачем она так напирает? Его сексуальные отношения ни в коей мере не касаются Фэнни Мэй!

— Твоя любовь быстро превращается в гнев, — упрекнула его Фэнни Мэй.

— Есть определенные ограничения в том, что касается личных отношений чрезвычайного агента БюСаба с кем бы то ни было.

— Что здесь главное, Макки, должность чрезвычайного агента или эти ограничения?

В ее вопросе звучала насмешка. Не выбрал ли он работу в Бюро просто потому, что неспособен на теплые отношения? Но Фэнни Мэй на самом деле была ему небезразлична. Он восхищался ею... и она могла его ранить, потому что он восхищался ею и... и... вообще, был к ней неравнодушен.

Он заговорил о своем гневе и своих обидах:

— Если бы не было Бюро, то не было бы Конфедерации, и не было бы нужды в калеканах.

— Да, в самом деле. Люди должны с почтением взирать на агентов БюСаба и испытывать страх.

Это было невыносимо, но Макки не мог избежать теплого чувства, которое он, несмотря ни на что, испытывал к этому странному калекану — существу, что могло невозбранно, в любой момент, вползти в его сознание и говорить так, как не осмеливался говорить никто. Если бы ему удалось найти женщину, столь же близкую ему по духу...

Именно эта часть их разговоров не давала покоя Макки и преследовала его. После того, как они не общались несколько месяцев, почему она решила обратиться к нему буквально за три дня до того, как на Бюро обрушился Досадийский кризис? Она вывернула наизнанку его эго, а потом уколола его этим вопросом:

— Почему ты так холоден и механичен в своих человеческих отношениях?

Нельзя было не заметить иронию в словах калекана. Фэнни Мэй сделала его посмешищем в его собственных глазах. Он чувствовал теплоту, да, даже

любовь к калекану, но не к женщинам рода человеческого. Это незащищенное чувство он берег исключительно для Фэнни Мэй, но никогда не направлял его на своих женщин. Фэнни Мэй возбудила его гнев, потом низвела гнев до словесной перепалки, а затем превратила в немую печаль. Но любовь устояла.

Почему?

Женщины были партнерами по постели. Это были тела, которые использовали его, а он использовал их. Это был вариант, абсолютно невозможный с калеканом: Фэнни Мэй — звезда, плавающая атомным огнем; вместилище ее сознания непостижимо и недостижимо для любого мыслящего существа. Тем не менее, она смогла вытянуть из него любовь. Он дарил ей любовь, и она это знала. Он не прятал свои эмоции от этого калекана, когда тот протягивал к нему свои ментальные щупальца.

Она, без сомнения, уловила, что до него дошла ее ирония. Отчасти это было поводом для натиска. Калеканы в своих действиях редко руководствуются каким-то единственным мотивом — в этом их колдовское очарование и суть раздражающего некоторых существ общения.

— Макки? — нежно окликнула его Фэнни Мэй.

— Слушаю, — не скрывая гнева, ответил он.

— Сейчас я покажу тебе частичку своих чувств к твоему узлу.

Подобно шарикун, который внезапно наполнился газом, Макки вдруг ощутил, что его пронзили забота и участие. Он тонул в теплых и нежных чувствах... и он хотел утонуть в них. Все его тело буквально излучало это раскаленное добела ощущение заботливого, защищающего внимания. Волна ушла, но Макки еще целую минуту наполняло свечение этого жара.

И это всего лишь частичка?

— Макки? — теперь в тоне звучала озабоченность.

— Да, — восхищенно откликнулся Макки.

— Я причинила тебе боль?

Он вдруг ощутил невероятную пустоту и одиночество.

— Нет.

— Полное выражение моего узлового вовлечения уничтожит тебя. Некоторые люди так думают о любви.

Узловое вовлечение?

Она привела его в замешательство, как при первой встрече. Как могут калебаны определять любовь представлением об узловой вовлеченности?

— Ярлыки зависят от точки зрения, — сказала она. — Вы смотрите на вселенную через слишком узкую щель. Иногда мы приходим от этого в отчаяние.

Ну вот, она снова нападает.

А он должен прекратить вести себя так по-детски.

— Я есть то, что я есть, и это все.

— Скоро ты узнаешь, друг мой Макки, что ты — нечто большее, чем тебе думается.

С этими словами она прервала контакт. Он пришел в себя в сырой, зябкой темноте. Плеск источника снова громко зазвучал у него в ушах. Он ничего не может сделать, чтобы вернуть ее. Здесь ему не помогут никакие кредиты и обращение за помощью к тапризиотам, ведь никто не способен вызвать Фэнни Мэй.

Друг калебан отгородился от него.

Мы сотворили чудовище — невероятно ценное и даже полезное, но чрезвычайно опасное. Наше чудовище одновременно прекрасно и устрашающе.

Мы не смеем использовать всю его мощь, но мы не можем и ослабить хватку, которой сдерживаем его.

(Говачинская оценка
досадейского эксперимента)

Пуля ударила в окно позади стола Кейлы Джедрик, рикошетом отскочила от бронированного стекла и с неприятным скрежещущим визгом улетела прочь — вниз, в ущелье. Джедрик испытала гордость: она даже не вздрогнула. Патрули электора наверняка попытаются обезвредить этого снайпера: они каждое утро обходят улицы города Чу, поэтому сразу ринутся на звук выстрела. В душе Джедрик шевельнулась надежда на то, что снайпер успеет ускользнуть обратно на Окраину. Впрочем, она расценила надежду как проявление слабости и отбросила ее. В это утро у нее были заботы куда более важные, нежели судьба какого-то лазутчика с Окраины.

Джедрик протянула руку к угловатому пятну солнечного света, упавшему на контактные пластины терминала, связывавшего ее с учетной службой центрального компьютера. Собственные пальцы, словно крылья маленькой птички порхающие над клавиатурой, показались ей чужими. Терминал был функциональным инструментом, символом ее статуса старшего офицера связи. Машина высилась на столе — серая, зеленая, золотистая, смертельно могущественная. Серый экран гармонировал по цвету со столешницей.

Пальцы Джедрик уверенно заплясали по клавишам, отбивая сложный ритм. На экране возникали желтые цифры. Они усреднялись по ее команде, приобретали вес и значимость, как будто частички судьбы, скрывающей смертоносную силу за рядами золотистых чисел.

Каждый ангел несет в мир меч, подумалось Джедрик.

На самом деле она вовсе не считала себя ангелом, а свое оружие — мечом. Настоящим ее оружием был интеллект, закаленный и отточенный жесточайшей дисциплиной, которой требовала от нее ее родная планета. Эмоции были силой, которую следовало отводить от себя или направлять на тех, кто не смог понять учение Досади. Джедрик прекрасно знала свою слабость и тщательно скрывала ее: любящие родители, прятавшие любовь под маской жестокости, научили ее, что решения досадийского общества были поистине ужасными.

Джедрик внимательно изучила числа на экране, стерла их и начала вводить новые. Она превосходно осознавала, что этим движением лишила средств к существованию пятьдесят своих сограждан. Многие из этих пятидесяти долго не протянут. На самом деле ее пальчики были оружием, несущим смерть тем, кто провалил тест. Впрочем, Джедрик не чувствовала вину за гибель этих людей. Неизбежное и скорое появление некоего Джорджа К. Макки требовало немедленного действия.

Думая о Макки, Джедрик испытывала странное удовлетворение. Она подстерегала чрезвычайного агента, как хищник подстерегает свою жертву. Его имя и персональные данные сообщил ей ее шофер Хэвви, отчаянно желавший выслужиться. Джедрик приняла эту информацию и взялась провести свое собственное расследование. Она не сомневалась, что никто на Досади не смог бы получить сведения более полные и точные. Джорджа К. Макки, по сути, вообще не должно было существовать. Джедрик не обнаружила никаких следов этого человека на Досади — ни на вонючей Украине, ни в густонаселенных кварталах